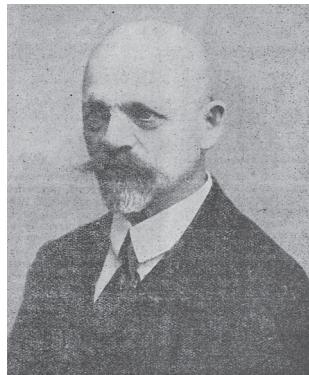




РЫЦАРЬ БЕЛОГО БРАТСТВА



Г.С. Малец (1867-1935)

Григорий Семенович Малец - человек-легенда: закончил Венский университет, ученый, агроном, журналист, общественный и политический деятель, сформировал отряд добровольцев-карпатороссов в составе Добровольческой Армии, участвовал в боях против большевиков на юге России, в 1920 г. присвоен чин капитана, участник трагического Ледяного Похода. После войны вернулся в Львов, занялся журналистикой, печатал статьи по сельскому хозяйству, книжечки с этими статьями выпускало Об-во им. М. Качковского. Написал прекрасное языковое исследование "Потуги разъединения и ослабления русского народа". Был Председателем Русской Сельской Организации, являлся членом всех культурных и экономических русских обществ в Галичине. Исходил весь галицкий край вдоль и поперек, знакомился с ведением хозяйств в селах, делился с крестьянами сведениями о новейших достижениях в агрономии, изобретал различные инструменты и приспособления для облегчения труда земледельца. Завещал свои сбережения в сумме 3 тыс. зл. (прибл. \$1,700) Фонду помощи бедной русской молодежи.

Позвольте представить Вам, уважаемые читатели, некоторые труды Григория Мальца и краткие о нем воспоминания.

Наталья ГАТТАС

ПОТУГИ РАЗЪЕДИНЕНИЯ И ОСЛАБЛЕНИЯ РУССКОГО НАРОДА

Русский народ, несмотря на свои племенные различия, всегда был и признавал себя как единую нацию (народность), как одно целое. Хотя с самого начала своей истории разные его племена различно назывались по месту своего проживания, как, например, кривичи, дулебы, поляне, северяне и другие, то все же все они считали себя русскими и при необходимости выступали против других народов как один русский народ.

Русская державность зародилась на Днепре и у Карпат, а позднее перешла на север в Суздаль и Москву. Ученые малороссы в Киевской, Галицкой и Угорской Руси ходили на север к своим братьям великороссам и ширили там науку и просвещение, а позднее, когда южная Русь была разорена врагами и попала в неволю, то московская (северная) Русь подавала ей помощь.

И так оно веками водилось на всей русской земле, никто не знал никакой разницы, все считали себя русскими, все были одной православной веры и принимали один книжный язык, на каком и в школах учились.

Такое национальное единство давало русскому народу великую силу, которая выводила его из тяжелейших ситуаций, которая освободила его из вражеской неволи и давала ему возможность создать одну из наибольших держав на свете, образовать прекрасный, пребогатый книжный язык и создать богатую и высокостоящую русскую письменность (литературу).

В образовании русского литературного (книжного) языка, в создании

всей русской культуры принимали участие все русские племена: малороссы, великороссы и белоруссы. Что до книжного языка, то можно сказать, что малороссы положили для него основу, а великороссы дали ему свой выговор. И потому неверно и смешно, если там кто-то говорит, что тот язык не есть наш (малороссов), что то московский или российский язык. Нет, то неверно! Он есть общерусский литературный язык, как московский, как киевский и львовский...

Так и водилось у нас до последнего столетия, все русские племена от Карпат до Урала и дальше считали себя одной родиной, одним народом, а русский литературный язык считали своим общим книжным, школьным, научным языком...

При разделе Польши Россия пришла в непосредственное соседство с Германией и Австрией, а обширные богатейшие русские земли привлекли к себе внимание немцев, которым становилось у себя тесно.

Германия и Австрия понимали, что им придется вести тяжелую борьбу - войну с русским народом. Вся хитрость состояла в том, чтобы указать на кое-какие различия между малорусским и великорусским племенами, внушить малороссам, что они отдельный народ от великороссов. С этой целью нужно было сменить и название того нового народа: выкинуть и затереть его природное историческое название: рус, русин, Русь...

Легко и скоро удалось заменить фонетику этимологический способ писания, указывавший на единство языка. Несмотря на сильный протест галицко-русского населения, австрийское правительство приказало (с 1892 г.) ввести фонетику во всех школах. Тем способом имелось в виду показать, что галицкий язык не есть русский. Тем способом австрийцы желали затереть постепенно у галичан сознание их родства с остальным русским народом и легче привить им стремление к сепаратизму и самостоятельности.

Фонетика галицких школ затрудняет чтение книжек на русском литературном языке, она закрывает доступ к богатой русской литературе и науке, созданных общими силами всех русских племен...

В начале российской революции министр просвещения российского правительства Мануйлов (из армян) приказал также и в русском книжном языке ввести фонетику, выкинув совсем букву "ять". Советское правительство пошло еще дальше в тех заменах.

Профессор г. Вернадский пишет ("Русская Мысль", 1923, кн. VI-VIII): "Старая орфография есть принцип единства русской письменной (и печатной) культуры. В этом ее большое значение, и хотя бы ради этого ее нужно отстаивать. Старая орфография приспособлена была языковою практикою различных наречий и диалектов русского языка. Новая орфография резко нарушает равновесие. Она приспособлена лишь к великорусскому говорам, но и далеко не ко всем. Поэтому новое правописание не может быть собственно названо русским правописанием, а лишь отчасти великорусским." А дальше говорит он, что тут "за невинными переменами букв скрываются большие опасности", и все это наводит на мысль "о чьем-то тайном замысле против единства русской культуры".

Львов, 1924 г.
(В сокращении)

В ЧЕМ ИСКАТЬ ВЫХОД? (Из речи Г.С. Мальца на съезде РНО в Сяноке)

Нам со стороны наших западных соседей, поляков, угрожает полная денационализация, надвигающаяся неуклонно на русские национальные земли от ряда лет. Теперь же в осо-

бенности. Русские школы в Галичине не существуют, они безцеремонно запрещены, причем запрещены не только правительственные. У нас ведь, кроме того, имеется красноречивое доказательство запрета организации даже частной русской школы, т.е. того рода школы, свободное существование которой предусмотрено не только польской конституцией, но и международными обязательствами Польши. Да и существующие так называемые "украинские" школы постепенно колонизируются.

Русские люди не принимаются на государственную службу или же переводятся в западные, чисто польские районы, "на мазуры", только потому, что они не поляки и не римокатолики. И в результате такое положение уже приводит к тому, что, к сожалению, многие из наших людей, менее устойчивые и слабохарактерные, ради куска хлеба, ради того, чтобы спасти себя и свои семьи перед нуждой и голодом, чтобы получить службу или заработок, принуждены переходить в римо-католичество. Точно так же дело обстоит с нашими рабочими и городской прислугой, каких ежегодно сотнями тысяч дают наши материально обнищавшие села, и которые-то в первую очередь обречены на денационализацию.

Самую грозную, однако, опасность в этом отношении представляет колонизация наших земель мазурами и военными осадниками и недопускание русских крестьянских масс к приобретению земли в порядке общей пареляции.

Причем очевидно, что подобная мера по отношению к нашему крестьянству преследует две параллельные, взаимодополняющие цели, а это: усиление этнографически польского элемента на русских землях в то время, когда это крестьянство изнывает под тяжестью и без того крайней нищеты, когда полное отсутствие постоянных заработков и доступных кредитов, все больше и больше увеличивающиеся налоги, дороговизна фабричных изделий, потребление селом, и в то же время дешевизна продуктов сельского хозяйства и т.п. - не дают нашему крестьянину возможности улучшить свое хозяйство и надлежаще использовать и тот бедный кусок земли, который ему остался еще сегодня.

Но как ни тяжело и грозно это положение и как ни мрачным кажется оно сейчас, то все же выход из него, хотя и неполный, существует. И его мы должны найти сами и себя же в своем собственном гражданском сознании.

Спасти наше физическое существование в минуты сегодняшнего лихолетья может, во-первых, ясное сознание всеми нами этой грозной опасности, а затем повсеместная и планомерная организация наших сил для неусыпной работы и борьбы на всех поприщах народной жизни.

Просвещение и кооперация при дружной, очевидной, работе всех наших партийных групп и оттенков могут быть тем защитительным валом, о который разбивались бы все яростные приступы чужого похода на наши земли.

Газета "Русский Голос", №124, 1925 г., Львов

КАРПАТОРОССЫ В КОРНИЛОВСКОМ ПОХОДЕ И ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

В 1917 г. стряслось над русской землей ужасное бедствие. В кульминационной точке войны с Германией и Австрией, не исключая Турции, внутри русского государства вспыхнула революция, вознившая нож в спину русской армии, которая вследствие того принуждена была оставить добытые жертвами крови Карпаты. С отступающей армией потянулись на

восток длинные вереницы подвод и ряды пеших русских галичан. Они, как и в 1915 г., уходили с русскими, чтобы спасти свою жизнь, ибо у немцев и мадьяр для них не было пощады.

Революция расшатала устои величия и славы русской империи. Строительство новой, единой Руси начала Добровольческая Армия во главе с известными патриотами: генералами Корниловым, Марковым и Деникиным.

Веря тогда в возможность победы над большевиками, Совет Прикарпатской Руси в Ростове н/Д счел необходимым иметь в рядах Добровольческой Армии свой собственный отряд.

Формирование Карпаторусского Добровольческого Отряда принял на себя добровольно Григорий Семенович Малец совместно с Л.Ю. Алексеевичем, оба товарищи Председателя "Русского Народного Совета Прикарпатской Руси"...

Января 21-го дня 1918 г. организаторами выпущено было воззвание к землякам с призывом записываться в карпаторусский отряд. Одновременно наскоро было созвано собрание студентов в помещении о-ва "Червоня Русь". Малец объяснил цель отряда, его значение в случае освобождения России от большевиков и первый записался в добровольцы...

Февраля 9-го дня Корниловская армия была принуждена оставить гор. Ростов н/Д. Этот злосчастный день - один из печальнейших в истории Добровольцев. Вся лучшая, сознательная Русь, вытесненная из главных городов России, как Москва, Киев, Петроград, и нашедшая свое прибежище при Корнилове, очутилась за стенами Новочеркасска и Ростова в степи, среди снегов, холодных ветров и морозов. Части, веденные Корниловым, отступили с боем в ночной темноте. Добровольцы-галичане до последнего момента охраняли мост на Дону и защищали от большевиков обход отряда по льду, после чего все ушли с Корниловым.

Одолее 18ти-верстное расстояние в снегах по колени, Корнилов с отрядом вошел в Ольгинскую - станцию Донских казаков. Три дня понадобилось для того, чтобы отдохнуть, собрать лазареты, привести в порядок истерзавшиеся в боях части.

На другой день, когда немного высушились обмотки, сапоги и одежда, Г.С. Малец собрал всех галичан за станцией у мельницы и предложил избрать комитет, долженствующий ведать делами Отряда, чтобы иметь ответственных лиц за тех, что пошли в поход. Сейчас же было постановлено отправить несколько человек для вербовки карпатороссов, проживающих в станицах и городах...

Добровольцы Карпаторусского Отряда шли к генералу Корнилову, Деникину, Врангелю и отдавали свою жизнь не по личным соображениям, а во имя той идеи, которая столько проповедывалась и лелеялась среди галицко-русского народа и за которую столько лучших сынов нашей теснейшей Родины томилось и страдало по тюрьмам и Талергофам. Ведь лучше было бы сидеть им в городе, чем погибать от ран, делать походы, переправы, дозоры, строить ночами мосты и дороги, выносить холод, дождь, грязь, воду, мороз, снег, невыспанные ночи, насекомые и все тяжести войны...

Здесь я должен сказать, что не бои сломили армию Деникина. Весьма много было причин ее гибели, но главнейшая, по-моему, следующая: ген. Деникин шел на Москву слыша, что рано, ибо в русских умах был еще хаос, неясность, сбивчивость. Русское общество в тылу не представляло из себя ничего отрядного. Большевиком не отжил, он был в самом разгаре. Общество интеллигентов тормозило дело освобождения.

В тылу разжигались страсти всякого рода партиями, вследствие чего падение было неизбежно. В тылу не было на что-либо опереться. Русская интеллигенция упивалась утопиями, которые она лелеяла целое столетие в своей душе. Ей было стыдно и невозможно отказаться от них. Армия восстанавливала Россию, а тыл разрушал ее без пощады и зазрения совести...

Оправившийся после тяжелой болезни Григорий Семенович Малец созвал на совещание Комитет. Решено оставаться при Врангеле. Малец, Бачинский и Гнатик отправились к нему с докладом в Севастополь. Нужно с ударением подчеркнуть, что ген. Врангель не разбирался в карпаторусских делах, как его предшественник. Он смотрел на карпатороссов сквозь очки всего русского общества, не имеющего точного понятия, что такое есть Прикарпатская Русь. Он знал, что у Карпат живут какие-то славяне, но кто они, это был для Врангеля темный лес. В штабе все-таки были люди, которые знали Карпатскую Русь. Врангель обещал поддержку. Галичане были переведены в Сводно-стрелковый полк и образовали 2-ой Карпаторусский отдельный батальон...

На знамени Отряда было написано: Освобождение Родины и единство русского народа. Он боролся за величие русского народа, за тысячелетнюю его историю, веру и культуру. Каждый добровольец-галичанин старался не запятнать грязью своего имени, каждый был предан чести, долгу, был в самом деле рыцарем в боях, а в тылу защитником русского имени, достоинства и порядка. Каждый нес от Кавказа по Днепр рассказ о своей несчастной Родине. Поэтому нравственной обязанностью каждого русского галичанина должна быть память о погибших на полях сражений...

Василий ВАВРИК
Воин Карпаторусского Отряда
Капитан
Львов, 1923 г.
(в сокращении)

ГРИГОРИЙ СЕМОНОВИЧ МАЛЕЦ КАК ДОБРОВОЛЕЦ (слово, произнесенное у могилы)

Лет 20 тому назад весь мир с необъяснимой лихорадкой вызывал на землю войну. И свершилось: многомиллионные армии во всеоружии стали против себя. На востоке Европы решалась участь двух рас: славянской и германской, и в омуте долголетних и кровопролитных битв нашлась и наша несчастная Родина.

Григория Семеновича Мальца миновала горькая чаша австрийского Талергофа. В то время он был в Швейцарии. Идя за кличем прародительницы Славии и матери Руси, он восторженно приветствовал зарево вспыхнувшего пожара, ибо в нем замирала звезда свободы родного Галича...

И вот Григорий Семенович в стане тех, кто остался верен славянской идее и русскому знамени. Он, 50-летний мужчина в кругу 16-летних малышей, с сумкой и винтовкой через плечо. В лютый февраль пошел в неведомую даль-степь со своей боевой частицей.

Война - страшное слово. Но сто- крат страшнее слово: гражданская война! В войну 2-х чужих народов или держав всяко и разное бывает: грустно и весело, хотя жизнь человека постоянно скользит по обрывам бездны. В гражданскую войну, когда брат на брата поднимает руку, веселие исключено. Ибо как в синее море льются быстрые воды, так льется везде братская кровь и бесцельно погибают человеческие жизни. Но судьба играет человеком. И покойный Григорий Семенович - человек необыкновенно мягкого сердца и доброй души дол-

жен был участвовать в ужасах гражданской братоубийственной резни.

Словно вихри пошли жестокие бои на Дону, на Кубани, на Крыму, на благодатной южной Руси вдоль Черного и Азовского морей, у подножья Кавказа, рисовавшегося в воображении галичанина родным Карпатом.

Горы вершины, я вас вижу вновь,
Вот Карпат долины - кладбища бойцов...

Чего только стоил один Ледяной Поход?

В морозных волнах падая и поднимаясь и с бурной стихией борясь, шли добровольцы за своим чудобогатырем Лавром Георгиевичем Корниловым против урагана, в пасть смерти. Все приуныли и повесили головы. Не унывали только те, кто взял на себя ответственность за добровольческое дело. На устах Григория Семеновича искривившаяся улыбка, в глазах горестное раздумье: ни одного слова упрека, ни одного звука ропота не слышно от него.

А Екатеринодар после смерти генерала Корнилова?

У всех испуг, растерянность, отчаяние. Ибо кольцо суживается. Глаза всех галичан, притаившихся у кургана за станцией Мариинской, устремлены на Григория Семеновича. Он бледен, но тих и спокоен.

- Беда! - повторяют молодые солдаты. - Видно, всем нам здесь погибнуть придется.

- Ничего, - отвечает. - Человека родится на то, чтобы умереть и уступить место другому. Таков закон природы, а покамест дышим и живем - смело "на бой за Русь святую."

* * *

Труднее бранного подвига было для Григория Семеновича постоянное хождение по штабам, по главным квартирам и ставкам, по канцеляриям разных министерств и дипломатов, русских и чужих. Это было настоящее "хождение по мукам", которое мог одолеть только человек железной воли, безгранично преданный своей идее, а также безгранично любящий свою отчизну, перед глазами которого всегда стояли родные Карпаты с их жуткой историей и грустными песнями. Григорий Семенович всецело посвятил себя делу национального освобождения.

Да, это был человек которых у нас воистину мало.

Больнее всего класть в сырую землю того, кто, давая пример неугасимого горения, был учителем неподдельной любви к Родине...

После знойных трудов отдыхай в уюте кладбищенского затишья, и пускай снится Тебе под шепот деревьев прекрасный сон о взлелеянном Тобой идеале ...

Василий ВАВРИК
Газета "Русский Голос"
№40, 1935 г., Львов

* * *

ГРИГОРИЙ СЕМЕНОВИЧ МАЛЕЦ

Его уже нет. Ушел так тихо и незаметно, как проходил незаметно, казалась, весь жизненный путь.

А между тем, это была несомненно выдающаяся личность.

Прежде всего - человек чистый в мыслях, слове и деле, сильный волей и характером, преданный идее до гробовой доски, сердца голубино, за всю свою жизнь едва ли причинивший зло или обиду.

Святой на земле.

А затем он был большой патриот и общественный деятель из ряда тех немногих, которых не напрасно считают столпами и совестью среды, где они обитают и действуют.

В поворотные моменты, когда нелегко было, когда нелегко было избрать правильный путь среди намечавшихся дорог, можно было не призадумываясь идти по указанной им тропе в полной уверенности, что она не приведет к позору.

А в особенно страдное время, когда и сильные падали духом, его властный голос, полный возмущения неправдой и признательности всему, что заслуживало ее, обдавало и толкал вперед, невзирая на препят-

ствия.

Его девизом была верность до конца: устоять или погибнуть, но не отступить.

Эту верность, воспитанную на привязанности к земле, он вынес из своей крестьянской среды, а стойкость, не знавшая предела, была ему свойственна, как прирожденному воину, всю жизнь борцу за идею.

Агроном О-ва им. М. Качковского, директор этого общества, Товарищ Председателя РНО и СРМО, Председатель РСО, деятельный член целого ряда русских обществ и организаций и неутомимый работник на народной ниве - вот общественный стаж Г. С. Мальца.

Со смертью его Галицкая Русь осиротела. Вышел он из ее недр черноземных, всю жизнь служил ей и любил беззаветно, сохраняя несмотря на образование все лучшие черты крестьянства, никто, как он, не стоял близко к селу, являясь живым звеном между селянством и интеллигенцией, символом их единения на общее благо Родины.

Эту любовь к народу он доказал на деле, променяв в 1907 г. выгодную во всех отношениях должность заведывающего имениями кн. Щербатова на ничего, кроме лишения и страданий, не суливший пост агронома при О-ве им. М. Качковского во Львове и затем в 1920 г., когда предпочел службу сермяжной Галицкой Руси на скромном посту директора О-ва им. М. Качковского предложенной ему блестящей должности заведывающего казенными имениями в Банате, в Югославии.

Был Григорий Семенович также общерусским национальным деятелем, обладавшим сознанием и пониманием государственных интересов Руси.

И это он доказал на деле. В 1917г., когда Россия дрогнула под первыми ударами революции, Г.С. Малец понимал, что не только Русь - нация, но и Россия - государство есть общерусское достояние, защищать которое необходимо всем русским в силу нераздельности общерусских интересов, вступил в ряды Добровольческой Армии и организовал Карпаторусский Отряд. Одновременно на его долю выпала почетная и ответственная роль представителя Галицкой Руси при Верховном Главнокомандующем вооруженными силами Юга России...

По словам участников событий того времени, можно смело сказать, что Г.С. Малец, скромный галицкий агроном и деятель, справлялся со своей задачей успешно. Он пользовался вниманием и доверием высоких военных кругов, к его мнению прислушивались и шли ему навстречу.

Он любил Россию и томился ее страданиями как скорбит сын при смертном одре своей матери.

Эта любовь привела его на поле брани, где он оказался доблестным бойцом. Перенес страду Ледяного Похода, участвовал с Карпаторусским Отрядом во всех боях при Корнилове, Деникине и Врангеле, испытыв до конца горе Добровольческой Армии.

В Новороссийске, большой физически и прибитый морально, он не выехал за границу, но потянулся в Крым, чтобы защитить последний клочок национальной России.

Но и всероссийский ужас не сломил этого удивительно сильного человека. Вернувшись в Галичину, он немедленно начал борьбу за русское дело, хотя и мирными средствами, и продолжал ее до конца своей жизни, живо интересуясь, несмотря на физическую боль и предсмертную тоску, всем, что имело отношение к этому делу.

И когда праведная его душа предстанет пред престолом Всевышнего, она и там не прекратит борьбы за Русь, противопоставляя пленившему ее злу свои моления о лучшем будущем для многострадальной Отчизны.

В. КАРЕНИН
Газета "Русский Голос"
№39, 1935 г., Львов



СЫРЬЕВАЯ ИЗОЛЯЦИЯ И ГОЛОДНЫЕ 1939-40 ГОДЫ В ГЕРМАНИИ

После начала Второй мировой осенью 1939 года Германия лишилась доступа к большинству сырьевых товаров - от продовольствия до руды и хлопка. Особенно трудным было положение с мясом. Положение не спасло и большое количество скота в Дании, Франции и Голландии, т.к. эти страны тоже зависели от импорта кормов. На продовольственные карточки в Третьем Рейхе выдавали минимум мяса, жиров и сахара, вся страна держалась на хлебе, капусте и картошке. Особенно ужасным было положение с одеждой, так хлопок и шерсть страна импортировала. Только продолжение войны, как верили немцы, сможет уберечь их от голода и холода.

В этой ситуации сырьевого дефицита у Германии не оставалось другого шанса, как только идти на восток, в СССР - в первую очередь, за зерном, топливом и текстильным сырьем. О том, каково было не только промышленное положение, но и бытовая жизнь в Германии в 1939-40 годах, изнутри, находясь там, описал в своих дневниках американский журналист Уильям Ширер («Берлинский дневник. Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента», Центрполиграф, 2002). В ознакомительных целях мы приводим отрывки из неё.

Берлин, 15 сентября 1939.

Как влияет на Германию блокада союзников? Она лишает её 50% привычного импорта. Основные продукты, которых Германия сейчас лишена: хлопок, олово, никель, нефть и каучук. Россия может поставить ей некоторое количество хлопка, но общий объем её прошлогоднего экспорта составил всего 2,5% годовой потребности Германии. С другой стороны, Россия способна поставить Германии весь необходимый ей марганец и всю древесину, а вместе с Румынией - достаточное для военных нужд количество нефти. Железо? В прошлом году Германия получила 45% железной руды из Франции, Марокко и из других мест, от которых она сейчас отрезана. Но 11 миллионов тонн ей поставили Швеция, Норвегия и Люксембург. Эти источники для неё пока открыты. В итоге Германия, несомненно, пострадала, потеряв 50% импорта. Но, учитывая те возможности, которые открыты для неё в Скандинавии, на Балканах и в России, она не страдает так сильно, как в 1914 году.

Берлин, 23 сентября 1939.

Спелезавтрашнего дня вводятся новые продовольственные карточки. Теперь немецкие граждане будут получать еженедельно: фунт мяса, пять фунтов хлеба, три четверти фунта жиров, три четверти фунта сахара и фунт кофейного суррогата, приготовленного из ячменя. Рабочие, занятые на тяжелых работах, будут получать двойную норму, и доктор Геббельс - умница! - решил классифицировать нас, иностранных корреспондентов, как занятых на тяжелых работах.

Берлин, 26 сентября 1939.

С сегодняшнего дня введены новые ограничения на приобретение одежды. Если я заказываю новый костюм, то портной должен соорудить его из куска материала размером 3,1 м на 144 см. А ещё газеты извещают, что мы больше не сможем поставить новые подметки на обувь. Нет кожи. Надо подождать, пока не появится новый заменитель.

Берлин, 11 января 1940.

Холодно. За окном пятнадцать градусов ниже нуля. Половина населения замерзает в своих домах, конторах, мастерских, потому что нет угля. Жалко было видеть вчера на улицах людей, тащивших пакеты с углем в детских колясках или на собственных плечах. Удивительно, как нацисты допустили, чтобы положение оказалось настолько серьезным. Все ворчат. Ничто так не снижает моральный дух, как постоянный холод. От одного коммивояжера, вернувшегося из Праги, я узнал сегодня, что производители масла, муки и других продуктов в Словакии и Богемии ставят на своих товарах, предназначенных для Германии «Сделано в России». Таков приказ из Берлина, и смысл его



в том, чтобы показать, какая большая помощь уже поступает от СССР.

Берлин, 14 марта 1940.

Геринг объявил, что немцы должны сдать изделия из меди, бронзы, латуни, олова, свинца и никеля. Как может Германия вести войну, если у неё всего этого не хватает? В 1938 году Германия импортировала около миллиона тонн меди, 200.000 тонн свинца, 18.000 тонн олова и 4000 тонн никеля.

Берлин, 23 марта 1940.

Сегодня объявлено, что все церковные колокола, сделанные из бронзы, будут сняты и переплавлены для производства орудий. На следующей неделе начинается общенациональный сбор по домам всего имеющегося в наличии лома олова, никеля, бронзы и меди - металлов, которых Германии не хватает. Армия приказала сегодня всем владельцам грузовых автомобилей, которые находятся в бездействии в соответствии с запретом военного времени, а таких 90%, сдать аккумуляторы.

Завтра Пасха. Власти объявили людям, что они должны оставаться дома и не разъезжать, как в прежние годы, потому что дополнительных поездов не будет. На завтра запрещаются и поездки на частных автомобилях.

Берлин, 28 марта 1940.

Германия не может продолжать войну без поставок шведской железной руды. Большая часть этой руды отгружается в порту Нарвик на германские суда, которые ускользают от блокады, проходя вдоль побережья Норвегии в трехмильной зоне, где им не угрожает британский флот. Мы тут гадали, почему Черчилль никогда не мог с этим ничего поделать. Теперь начинает казаться, что может. На Вильгельмштрассе заявляют, что будет за ним следить. Для Германии это вопрос жизни и смерти.

Берлин, 18 апреля 1940.

Немецкая оккупация привела датчан к краху. Три миллиона датских коров, три миллиона свиней и двадцать пять миллионов кур-несушек живут на импортных кормах, главным образом из Северной и Южной Америки и из Маньчжоу-Го. Теперь эти поставки прерваны. Дании придётся отправить на убой большую часть поголовья скота, одного из главных источников своего существования.

Берлин, 1 декабря 1940.

Полтора года блокады причинили неудобства Германии, но не подвели германский народ к черте голода, равно как и не помешали всерьез нацистской военной машине. Диета не изысканная, и американцы её вряд ли выдержали бы, но немцы, организм которых привык за последнее столетие к огромным количествам картофеля, капусты и хлеба, до сих пор чувствуют себя замечательно на этой еде. Им не хватает мяса, растительных жиров, масла и фруктов.

Чего остро не хватает, так это богатых витаминами фруктов. Сильные морозы прошлой зимой привели к неурожаю фруктов в Германии. Сейчас единственные фрукты на рынке - это яблоки, и их берегут для детей, больных и беременных женщин. Прошлой зимой мы не видели ни апельсинов, ни бананов, не появились они и этой

зимой. В войсках и детям выдают витамины в таблетках очень низкого качества. Немцы не имеют ни кофе, ни чая, ни шоколада, ни фруктов. Они получают одно яйцо в неделю и очень мало мяса и жиров.

Если война будет долгой, остро встанет проблема одежды. Германии придется ввозить практически весь хлопок и почти всю шерсть, и нынешняя система обеспечения одеждой базируется на том, что, пока война не кончится и не будет снята блокада, немецкий народ должен обходиться тем, что на нём или что хранится в шкафах. Нехватку тканей ощущают не только гражданские лица, но и в армии, которой недостает шинелей, чтобы одеть всех солдат этой зимой. Гитлеру пришлось уже одеть служащих своего Трудового фронта в изысканную чешскую форму.

Немецкий характер таков: немец должен либо подчиняться, либо подчиняться. Других отношений между людьми на земле он не понимает. Золотая середина греков, которой в какой-то степени достиг западный мир - это концепция, которая выходит за пределы их понимания. Более того, огромная армия рабочих, крестьян и мелких торговцев, равно как и крупных промышленников, убеждена, что, если Гитлер преуслеет со своим «новым порядком», в чём они сейчас не сомневаются, это будет означать, что в мире больше будет молока и мёда для них. То, что это неизбежно будет получено за счёт других народов - чехов, поляков, скандинавов, французов - немцев нисколько не волнует. На этот счёт у них никаких угрызений совести нет.

Одна из главных пружин, толкающих немецкий народ на полную поддержку войны, по поводу которой у них нет ни малейшего энтузиазма и которую, была б их воля, они закончили бы хоть завтра, это нарастающий страх перед последствиями поражения. Медленно, но верно они начинают осознавать ужасную мощь тех семян гнева, которые их солдаты посеяли в Европе с момента захвата Австрии. Они начинают соображать, что победа при нацистском режиме, как бы большинству из них оно ни было неприятно, лучше, чем ещё одно поражение Германии. Случись такое на этот раз, и Версаль покажется миром по доброму согласию, и это будет уничтожение не только их государства, но и немцев как народа.

В последнее время многие немцы признавались мне в своих страхах. Они представляют себе, как в случае поражения Германии озлобленные народы Европы, которых они жестоко поработали, разъярёнными ордами катятся по их прекрасной и опрятной стране, разрушая её до основания и оставляя тех, кого не убьют, умирать от голода на опустошенной земле.

Нет, эти люди, как бы они ни были задавлены и обмануты самой бессовестной бандой правителей из всех, что знала современная Европа, пройдут очень, очень долгий путь в этой войне. Только отрезвляющее осознание в один прекрасный день того, что выиграть они не смогут, вместе с гарантиями союзников, что прекращение войны не будет означать их полного уничтожения, заставит немцев засомневаться раньше, чем будет уничтожена та или другая сторона».